

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.В. МИРОНОВ (главный редактор)
О.Ю. БОЙЦОВА (зам. главного редактора)
В.А. ВАРХОТОВА (отв. секретарь)
А.В. ФЕДЯКИН (выпускающий редактор)
А.С. АХРЕМЕНКО, Е.Н. ВЕДУТА, Т.В. ЕВГЕНЬЕВА, М.В. ИЛЬИН,
В.И. КОВАЛЕНКО, Е.Н. МОЩЕЛКОВ, Н.Я. ПЕТРАКОВ,
В.Н. РАСТОРГУЕВ, А.В. СОЛОВЬЕВ, А.И. СОЛОВЬЕВ,
Е.Б. ШЕСТОПАЛ, А.А. ШИРИНЯНЦ, А.Ю. ШУТОВ

Редактор Е.А. Малеванная

Технический редактор Н.И. Матюшина

Корректор Г.Л. Семенова

Адрес редакции:

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Тел. 697-31-28

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации № 012715 от 6 июля 1994 г.

Сдано в набор 30.10.2008. Подписано в печать 23.01.2009.
Формат 60x90 1/16. Бумага офс. № 1. Гарнитура Таймс. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 7,5. Усл. кр.-отг. 6,46. Уч.-изд. л. 7,9. Тираж 818 экз.
Заказ № 267 . Изд. № 8617.

Ордена "Знак Почета" Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Типография ордена "Знак Почета" Издательства МГУ.
119992, Москва, Ленинские горы.

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 12 **ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ** № 6 • 2008 • **НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ**

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Актуальные проблемы политической науки</i>		
Расторгуев В.Н. Россия и пан-Европа	3	
Мошелков Е.Н. Методология политологических исследований (отечественный опыт второй половины XIX — начала XX в.)	16	
Христофоров И.А. Власть и собственность в России: исторический опыт и современность	25	
Кабаченко А.П., Климов Е.В. Теократические тенденции в Древней Руси XI—XV вв.	34	
Кудрявцев В.К., Ширинянец А.А. Идеалы и политика: монархическая государственность Л.А. Тихомирова	45	
Алюшин А.Л. Исторический фатализм в классическом немецком идеализме и современном политическом сознании	51	
<i>Текст</i>		
Фрэнд Ж. Победа и поражение	58	
Соловьев А.В. Феномен войны и мира в творчестве Жюльена Фрэнда	67	
<i>Политическая наука за рубежом</i>		
Шестопал Е.Б. Российская политология в европейском контексте	71	
<i>Университетская трибуна</i>		
Балакин В.Д. Идея империи и имперская традиция в раннем Средневековье	76	
<i>Научная жизнь</i>		
Проблема человеческого капитала в условиях современной России: материалы конференции	88	
<i>Факультет</i>		
Тихонов А.Н. Перспективы развития политического менеджмента как учебной дисциплины	105	
<i>Критика и библиография</i>		
Аракелова М.П., Сидоров А.В. История отечественной управленческой мысли	110	
<i>Указатель диссертаций</i> , защищенных в Диссертационных советах Д 501.001.47, Д 501.001.27, Д 501.002.12, К 501.001.01 по политическим наукам на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в 2007—2008 учебном году		114
<i>Указатель статей и материалов</i> , опубликованных в журнале "Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки" в 2008 г.		118

А.Л. Аллошин

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАТАЛИЗМ В КЛАССИЧЕСКОМ НЕМЕЦКОМ ИДЕАЛИЗМЕ И СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

Есть ли у истории смысл и цель, свободно человечество в выборе своего пути или сковано исторической предопределенностью, как надлежит ему действовать в том или ином случае? Такая проблематика находилась в центре философско-исторических и социально-политических размышлений классиков немецкого идеализма.

Главную идею философско-исторических концепций И. Канта, И.Г. Фихте и Г.В.Ф. Гегеля при всех различиях между ними, которые рассматриваются ниже, можно сформулировать следующим образом: мировой разум движется через борьбу противоречий по пути исторического прогресса для достижения поставленной перед собой цели. Таким образом, их взгляд на историю — это взгляд телеологический. Отмечая объективную целенаправленность и целесообразность в истории, классики немецкого идеализма признавали существование трансцендентального субъекта всемирно-исторической деятельности, обладающего некоей собственной целью.

Какое место среди всеобщей целесообразности отводится помыслам и действиям людей? По мнению немецких классиков, в большинстве своем люди не понимают, извращенно понимают или не принимают целей мирового разума. Только человеческому роду в лице государства эти цели понятны и желанны. Поэтому род признается первичным по отношению к индивиду, а государство выступает орудием и проводником разума в действительность. Центральную роль в рамках такой концепции играет идея отчуждения в ее объективно-идеалистической трактовке: преследуя свои личные цели, часто противоположные целям государства, индивид все же “работает” на род, хотя, как правило, и не осознает в себе проводника разума. Следуя исторической цели, государство действует руками людей, но поверх их умов.

Рассмотрим, каким образом конкретно преломляются эти идеи в учениях трех великих немецких мыслителей.

Из работ Канта наибольший интерес в данной связи представляет небольшое сочинение под названием “Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане” (1784), в которой философ обозначил главную, по его мнению, цель человечества: “Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую его принуждает природа, — достижение всеобщего правового гражданского государства”¹,

¹ Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 12.

силами способствовать прогрессивной эволюции религиозного сознания нации¹⁷.

В свете данных требований отношения монархии к религии наиболее адекватны истинной политике с точки зрения создания их союза, который достигается подчинением монарха религиозной идее и личной принадлежностью к церкви при независимости его государственной верховной власти. “Это можно назвать, — замечал Л.А. Тихомиров, — истинным выражением теократии (а не иерократии), то есть владычеством Бога в политике посредством царя, Богом (а не церковной властью) делегированного”¹⁸. Поэтому для того, чтобы нравственное начало могло оказывать свое благотворительное влияние на политические отношения, необходимо, чтобы источники его возникновения были независимы от государства. Разумная государственная политика в этом вопросе состоит в том, чтобы никак не подрывать источников нравственности. “Если Монархия начнет работать над подчинением морали политике, — писал Л.А. Тихомиров, — подчинять нравственное начало государству — она тем самым отнимает у нравственного начала его верховенство, а стало быть, уничтожает и себя как силу верховную. Все это делает обязательным для монархии — хранить самостоятельность тех религиозных учреждений, в которых нация живет духовно, своим религиозно-нравственным содержанием”¹⁹. Все это вместе взятое означает, что “Церковь должна быть самостоятельной и влиятельной силой нации”²⁰.

Таково в целом понимание Л.А. Тихомировым задач монархической политики в отношении своего нравственного идеала и питающего его религиозного начала.

¹⁷ См.: Он же. Монархическая государственность. С. 465.

¹⁸ Там же. С. 468.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 618.

необходимого для того, чтобы “полностью развить задатки, вложенные ею в человечество”². В этом процессе “отдельные люди и даже целые народы мало думают о том, что когда они, часто по своему разумению и часто в ущерб другим, преследуют собственные цели, то они незаметно для самих себя идут к неведомой им цели природы, как за путеводной нитью, и содействуют достижению этой цели”³.

Как действует механизм, употребляющий центробежные силы своих разъединенных частей для обеспечения общего поступательного движения вперед? Пытаясь найти ответ, Кант высказал такую идею: “Средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, — это антагонизм их в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной их законосообразного порядка. Под антагонизмом я разумею здесь недоброжелательную общительность людей, то есть их склонность вступать в общение, связанную, однако, со всеобщим сопротивлением, которое постоянно угрожает обществу разъединением”⁴.

Если у Канта проблема отчуждения затронута несколько косвенно, выражена через систему других понятий, привлекаемых для описания целесообразного хода истории, то у Фихте идея социально-политического и лежащего в его основе “историко-познавательного” отчуждения значительно более разработана. В систематическом виде свой взгляд на телеологию политического и исторического процессов Фихте изложил в книге “Основные черты современной эпохи” (1806). “Цель рода, — отмечал он, — культура и, как следствие последней, достойное материальное существование. <...> Само развитие личности есть цель государства, и совершенное государство само по себе поставит своею задачей доставление каждой личности... возможности такого развития”⁵. В восхождении к указанной цели общество проходит две основные стадии: от отчужденности индивидов по отношению к цели рода, что характерно для первой стадии, происходит сдвиг в сторону осознанной приобщенности их к процессу достижения этой цели, в чем состоит сущность второй стадии исторического развития.

Согласно Фихте, человечество существует сначала “разумным инстинктом”, т.е. бессознательно для каждого и осознанно для всех. В этот период происходит “превращение индивидуального разумного инстинкта в принудительный авторитет”, когда “результаты разумного инстинкта превращаются более сильными особями рода... в авторитет, приказывающий внешним образом и осуществляемый принудительными мерами”⁶. Продвижение общества к “господству

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 7—8.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи. СПб., 1993. С. 132—133.

⁶ Там же. С. 8—9.

разума” происходит в условиях государственного принуждения; последнее, собственно, и необходимо ради этого движения вперед. История, считал Фихте, движима не народом, который отчужден от ее целей, а “героями”, “жертвами”. Только им дано познать цели истории, и поэтому они “своему понятию о должном подчиняли поколения, ненавидевшие и боявшиеся их за это”⁷.

Поскольку полное освобождение от инстинкта и приобщение к разуму наступит, согласно Фихте, через “мириады поколений”, то в условиях государственной жизни личность должна повиноваться внешнему авторитету, по возможности сознательно примириться с господством, что означает как бы возвышение над этим господством, мудрое приобщение личности через государство к роду в целом. “Назначение и ценность каждого человека в том, что он отдает себя и все, что он есть, что у него есть и на что он способен, на служение роду, то есть (так как и поскольку вид служения, в котором нуждается род, определяется государством) государству”⁸ — вот одна из главных политических идей Фихте.

Отчужденными от рода являются в некотором смысле и сами государства. Подобно индивиду, каждое государство преследует цели самосохранения и самовозвышения. Но поскольку государство представляет род, то, стремясь усилить само себя, оно развивает тем самым способности и силы рода в целом. Конструкция Фихте, таким образом, строится как иерархия целей и средств, на вершине которой находится род.

Развившись до второй исторической стадии, человечество освобождается, наконец, от господства “разумного инстинкта” и его орудия — государства, которое, принудительно “доставив” человечество к познанию разума, становится ненужным. Переломным этапом истории, как следует из идей Фихте, становится познание людьми законов собственной организации, осознание необходимости такой организации, служащей проводником человечества к достойному существованию будущих поколений через века вынужденно недостойного существования предыдущих. Принудить человека к собственному освобождению было невозможно, иначе чем с помощью тонко продуманного механизма принуждения. Ведь сознательно обречь себя на долгие века рабства люди были не в состоянии. Они предпочли бы не выходить из естественного состояния, чем пробираться через мрачные времена угнетения и порабощения до ненужной каждому в отдельности, недостижимой на протяжении всей их собственной жизни цели. Но самому роду сделать это казалось необходимым — тайком от людей, хотя ради их же конечного блага. Такова внутренняя логика телеологического понимания истории, выраженного Кантом, Фихте и развитого затем Гегелем.

⁷ Там же. С. 41.

⁸ Там же. С. 204.

Целесообразное, но не осознанное людьми движение истории Гегель называл "хитростью разума". "Во всемирной истории, — писал он, — благодаря действиям людей вообще получаются еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения"⁹.

Гегель утверждал, что народ сам по себе отчужден от целей истории, поскольку он "не знает, чего он хочет"¹⁰, а "знание того, чего хочешь, и тем более того, чего хочешь в себе и для себя сущая воля, разум, есть плод глубокого познания и проникновения, которое именно и не есть дело народа"¹¹. Познать и провести в жизнь волю разума надлежит государству как воплощению "нравственности" и "всемирно-историческим личностям", понимающим, что своевременно для их эпохи, и действующим на основе такого понимания. В понятии "нравственность" у Гегеля снимается всякое отчуждение личности: приобщаясь через "нравственность" к государству, личность приобщается и к целям рода. По его мнению, сходному с взглядом Фихте, отчуждение в целом для истории сыграло необходимую и созидательную роль. "Человечество было освобождено не столько от порабощения, как скорее *посредством* порабощения"¹² — так выражает эту идею Гегель.

Таким образом, в классическом немецком идеализме отчуждение имеет многоступенчатый характер: личность отчуждена от целей государства, государство до конца не знает целей рода, но род как целое знает все и ведает всем. Род понимается как реальный субъект, занимающий конечную ступень в иерархии всех других субъектов деятельности и познания, т. е. как трансцендентальный субъект. Для него не существует "непрозрачности" в видении социального устройства и целей исторического движения. Он как бы насквозь просматривает все мироздание, от мельчайших деталей до конечных его основ, отводя всему строго определенную роль. Отчуждение понимается как незнание нижестоящими субъектами целей истории, а степень отчуждения определяется по тому, насколько они возвысились до понимания этих целей. Такая форма отчуждения имеет и деятельностный аспект (поскольку субъект проявляет свою познавательную установку в деятельности), но его источником остается незнание, а способом его преодоления — познание целей разума. При чем отчуждение здесь — не только незнание социальной реальности

⁹ Гегель Г.В.Ф. Философия истории. М.; Л., 1935. С. 27.

¹⁰ Он же. Философия права. М.; Л., 1934. С. 324.

¹¹ Там же.

¹² Он же. Философия истории. С. 380.

или стихийность, объективная непредсказуемость результатов деятельности. Это такое заблуждение, в которое трансцендентальный субъект умышленно вводит людей, фактически манипулируя ими.

Какие параллели можно провести между этими идеями и задачами, с которыми сталкивается современное человечество? Реальная ситуация в мире, наполненная взаимным непониманием народов и угрозой междивилляционных конфликтов, с новой силой заставляет поставить вопрос о сущности истории, цели и смысле человеческого бытия. Есть ли вообще в истории смысл, какая бы то ни было разумность, и если есть, то как понять эту цель и действовать в соответствии с ней? Это не абстрактно-этические вопросы. Они отражают реальные противоречия и дилеммы современного политического сознания — как светского, так и религиозного, оказывают влияние на выбор политических идеалов и целей, практическую политическую деятельность. При этом складываются различные политические и психологические установки, ситуативные типы сознания, исходящие из той или иной трактовки идеи предопределенности. Попробуем обрисовать общую типологию возможных умозаключений.

Отметим, что все они отличаются историческим фатализмом, будь то фатализм пассивный, бездеятельный или активный, деятельный. В рамках первого типа выявляются две характерные ориентации — пессимистическая и оптимистическая. Реальная угроза самоуничтожения цивилизации может вызывать пессимистическое представление о бессмысленности, абсурдности всего исторического развития или, наоборот, осмысленной, запланированной гибели человечества и как следствие вести к политической апатии, стремлению изолироваться в узком кругу личных отношений в ожидании неизбежного конца света, устроить "пир во время чумы".

Согласно оптимистическому представлению, также основывающемуся на идее об изначальной цели, исторической предопределенности цивилизации, человеческий род из чувства самосохранения никогда не допустит собственной гибели. Поэтому спонтанная человеческая активность оказывается лишней или может только повредить. Подобная позиция опять-таки ведет к бездеятельному фатализму.

Согласно логике активного поиска объективной исторической цели или ускользания от нее предоставляется больший простор для действий и субъективного выбора, но все же и эта логика по своей сути фаталистична. Бесперывный мысленный поиск объективной цели бытия заводит субъекта в безвыходную для него ситуацию, когда он вынужден признать, что не только не знает этой цели, но и не в состоянии найти критерий для выделения конечной основы целесообразного движения истории. Он не имеет возможности решить, в каком именно направлении ему следовать и каких идеалов придерживаться. То, что сейчас ему кажется целесообразным, может в его представлении обернуться противоречащим целям истории. Но сразу возникает мысль, что в этом противоречии, видимой нецелесообраз-

ности действий как раз и заключаются еще более глубокий смысл и его, индивида, скрытое предназначение. В итоге субъект оказывается во власти нерешительности.

Обе субъективные установки (“поиск” и “борьба”), если они выражены в чистом виде, в итоге приводят к тому, что субъект застывает в бездеятельности, оставаясь там же, откуда он отправлялся в своих размышлениях. Но он может и найти искомое (пусть объективно и не существующее), т. е. утвердиться во мнении о существовании той или иной исторической цели, которая в этом случае превращается в миф, и выработать соответствующую ему линию политических действий.

Возможна активная пессимистическая позиция, из которой следует желание не мучиться, а ускорить неизбежное. Парадоксальная логика последнего суждения во много раз опаснее пассивной пессимистической позиции. Возможен и такой логический ход, что запрограммированное выживание цивилизации и есть главный вызов человеческой свободе, которую в этом случае необходимо отстоять, доказать всеобщим самоубийством. Подобная логика изложена применительно к сознанию отдельного индивида в “Бесах” Ф.М. Достоевского и там же показана ее абсурдность. Ясно, какой опасностью грозит акт “своеволия” по отношению ко всей цивилизации. Полностью исключить возможность такого безумного решения, дополненного практическими действиями, мы не можем.

Политически опасна и установка на причастность к “скрытому смыслу” бытия, собственную богоизбранность, посвященность в цели Бога, истории и т. д. Такая причастность не может не быть политическим мифом, но миф, будучи закреплен в идеологии и реальных политических целях, становится материальной силой, проводится в жизнь “огнем и мечом”. Неотъемлемыми чертами такой политики являются фанатизм, политический волюнтаризм и авантюризм. XX век прошел под знаком исторической телеологии советского марксизма и в меньшей степени — германского национал-социализма. Эстафету в XXI в. принял американский миссионеризм, который существовал и раньше, но сейчас стал доминировать.

Мотивы политического мифотворчества и вытекающей из него нетерпимости к инакомыслию звучали еще у Платона. В диалоге “Политик” он вкладывает в уста Чужеземца такие слова (затем они будут повторены в “Законах”): “...убедил кто других либо не убедил, богат ли он или беден, согласно установлениям или вопреки им делает он полезное дело, именно эта польза и должна служить вернейшим мерилем правильного управления государством...”¹³. Опасность политического мифотворчества видел Гегель. “Субъективная добродетель, — признавал он, — управляющая только на основании

¹³ Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4, М., 1994. С. 51.

убеждения, влечет за собой ужаснейшую тиранию”¹⁴ (однако свое убеждение в высшей разумности конституционной монархии он, как известно, считал вполне объективным, что еще раз показывает сложность нахождения критериев истинности в политической сфере).

По нашему мнению, действительно разумной и политически конструктивной может быть идея, что за спиной людей нет каких-либо нечеловеческих и надчеловеческих сил, которые, обладая даром провидения, скрыто управляют бы их деятельностью. На арене истории действует неприхотливая воля трансцендентального субъекта, наделенного высшей мудростью и втайне ведущего человечество к его золотому веку или столь же запланированному исчезновению. А поскольку нет всевидящего и надвременного исторического субъекта, мнимой является и такая форма отчуждения, как несовпадение намерений людей с целями этого вымышленного лица. Само представление о существовании трансцендентального субъекта истории и необходимости либо приобщиться к нему, либо избежать его власти есть одно из ложных порождений сознания.

На основе изучения объективных тенденций движения общества можно прогнозировать вероятные последствия человеческой деятельности и содействовать наступлению тех из них, которые представляются оптимальными в соответствии с рядом важнейших критериев, в первую очередь гуманистических. Человеческая история открыта, в ней нет предустановленных целей и предопределенного исхода движения цивилизации, а есть набор возможных альтернатив, из которых надо выбирать и к выбранной альтернативе стремиться. А это означает, что человек имеет реальную возможность сознательно и целенаправленно воздействовать на ход исторических событий, направлять его в одно из возможных и наиболее желаемых русел, наполнять историю и будущее человеческим смыслом.

¹⁴ Гегель Г.В.Ф. Философия истории. С. 417.